

0292	ВАСИЛИЙ НАСЕДКИН	"Голос журавлиный"
------	------------------	--------------------

"Голос журавлиный" (Коренблит – Наседкин)

1. Осеннее	– 1.58
2. Память	– 1.41
3. Слышишь	– 2.32
4. Нежданная удача	– 1.09
5. О любимой	– 1.39
6. С другой	– 1.17
7. Поморская	– 2.49
8. Цыганочка	– 1.59
9. Слушая тальянку	– 1.16
10. Только ночь	– 0.56
11. Хорошее время	– 1.41
12. Туманный день	– 1.33
13. Перед восстанием	– 2.03
14. На завтра бой	– 1.55
15. Лучшее время стихов	– 2.02
16. Обоз	– 2.59
17. Пыльная дорога	– 2.02
18. Голос журавлиный	– 2.13
19. Журавли	– 2.14
20. Счастливые бредни	– 1.19
21. Подпевая ветру	– 1.45
22. Час несказанного покоя	– 2.12
23. Встреча	– 1.23
24. Последнее	– 1.26

Общее время звучания – 44.17

СОДЕРЖАНИЕ

1. Осеннее

Небо – сизое, осеннее,
Машет северным дождём,
И тоскливое смирение,
И поклоны под окном.

За плетнёвою околицей
Слышен рощи тихий стон,
И печалится, и молится
Опадающим листом.

Скоро, скоро затуманится
По-иному сторона,
И земля – родная странница
Будет в снег обелена.

А пока дожди осенние,
Мягкий лист, и тихий дом,
И тоскливое смирение,
и поклоны под окном.
1922

2. Память

Тучи – гнилая солома.
Дали – худые плетни.
Крышей любимого дома
Машут осенние дни.

Сердце желанному радо,
Близости сельских примет.
Я и осенним нарядом,
Как материнским, согрет.

Раннюю память тревожа,
С болью её беребя,
Вижу себя я моложе,
Вижу другим я себя.

Где же теперь он, далёкий?
Я повстречаюсь ли с ним?
Или опозданы сроки
Видеть себя молодым?

Горечи этой не сбросить,
Хоть бы плясать довелось.
Ждать уж недолго, и проседь
Тихо коснётся волос.

Только на память о доме,
В память и в радость о нём
Кажутся тучи соломой,
Дали – покатым плетнём.
1925

3. Слышишь

Цвет волос, как зелень луга.
Взгляд – сирени дальний куст.
Слышишь, милая подруга,
Как по синим струнам с юга
Тянет ветер так упруго,
Надувая парус чувств.

Дай же губы! В них люблю я
Эту розовую муть,
Чтоб за долгим поцелуем,
Краткой бури не минуя,
Нам бесследно потонуть.

Я не знаю, что случится, –
Может быть, ты всех милей,
Но, возможно, постучится
И другая баловница.
И открою сердце ей.

Иль сама уйдёшь скорее –
Скука счастьем не родня,
И потом, другого грея,
Подставляя грудь и шею,
Уж не вспомнишь про меня.

Знаю, время всё остудит,
Чувство хладом напоя,
Только как же это будет –
Над твоей любимой грудью
Грудь другого – не моя.

Дай же губы, не могу я
Продолжать щемящий бред.
Дай же в миге поцелуя,
Не болея, не ревнуя,
На огне твоём сгореть,

Чтоб и с новой переменной
(С ней дружись иль не дружись...)
В сердце так же неизменно
Ты б была благословенна,
Как и молодость и жизнь.

4. Нежданная удача

Ты целуешь, а я плачу,
Говоришь, а я – ни звука.
На нежданную удачу
Я смотрю как на разлуку.

Чуть отходишь – затоскую.
Словно осень на лугу.
Потому любовь такую

Я навряд ли сберегу.

А замечу взгляд тревожный –
Уж тревожно нам обоим.
Видно, счастьем невозможно
Обойтись без перебоев.

Ты целуешь, а я плачу,
Говоришь, а я – ни звука.
На нежданную удачу
Я смотрю как на разлуку.
1926

5. О любимой

Знать, судьба судила,
Обернувшись тайной,
Повстречаться с милой,
Дальней и случайной.

И вначале странным
Будет даже имя
Девушки незванной,
Мною нелюбимой.

Но потом, наладясь,
Станем век друзьями,
А любовь и радость
Будут, да не с нами.

И дорогой пыльной
Промелькнёт и – мимо
Цвет волос ковыльный
Головы любимой.

Да в предсмертном часе
Мне на вздох прощальный
Прозвенит, как счастье,
Голос твой хрустальный.

Голос тихий, внятный,
Как тогда весною.
Хоть бы в час закатный
Ты была со мною ...

Те же в звёздной сини
Золотые рожки.

Лебедой, полынью
Зарастут дорожки.

6. С другой

Синью теплою крадясь
До крыльца дорогой,
Я не думал, что радость
Будет та же с другой.

Та же трепетность встречи,
Ласки пьяной руки
И под розовый ветер
В облаках огоньки.

Мне казалось, не будет
Ни утрат, ни потерь,
Милый шаг не забудет
Открывать мою дверь.

Но случилось иное.
Кто-то память отсёк,
И уж сердце не ноет
Об ушедшей навек.

Снова частые встречи.
Те же речи – с другой.
Тот же в небе под вечер
Месяц жёлтый – дугой.

7. Поморская

Вот север, и я уже выбыл,
И мне возвращаться не скоро.
В ладейке, наполненной рыбой,
Я слушаю песню помора:

"Ты, сударушка, молодушка моя,
Пошто свесилась головушка твоя?
Звук ли, слово ли роняешь, как в беде,
Будто серый пух пуцаешь по воде".

Отвечала тут молодушка ему,
Другу верному, любезному своему:
"Сине морюшко запенилось волной.
Ты побудь хоть день да ноченьку со мной!

Может, завтра будет тихая вода,
Может, завтра ты закинешь невода?"

"Ох, сударушка, я рад бы всей душой,
Только слышу я: моряник небольшой.
Скоротаем ночку тёмну не одну,
Пошто смотришь ты, пужаясь, на волну?"

Уходила в море синяя ладья.
Прилетала к ней от смертыньки сватья.
Как была тут бурь-погодушка строга,
Вы прощайте, да навеки, берега!"

Запеть не мешало и мне бы,
Но с песней, как дальние вторы,
По краю безгласного неба
Скрипят ледовитые горы.

8. Цыганочка

Цыганскою шалью
Окутан мой сад,
И жёлтой печалью
Лоскутья висят.

Как будто от Ганга,
От родины старой,
Предстала цыганка
С любимой гитарой.

И тонкие струны –
Садовые ветви,
Как дальние струи,
Запели на ветре.

Слова непонятны,
И думы неясны,
Но жёлтые пятна
В саду не напрасны.

Припомнил без дрожи
Под грусть и отраду:
На осень похоже
Былое нарядом,

На жёлтую осень,
На берег багряный,
Откуда уносим
И радость, и раны.

1925

9. Слушая тальянку

О, эти переливы звонкие
Тоски безудержных полей ...
Чьи руки синими постромками
Так связывают душу с ней!

Бегут и плещутся за гумнами,
Полнея странным часом тайн.
Как сиротлив собачий лай
За поворотами бесшумными!

И плавают одни под месяцем,
И никуда им не уйти.
Вечерне-синий сумрак-месиво
Смешал последние пути.
1922

10. Только ночь

Только ночь убирает
Железного дня следы.
Убирает, сметает
В золотые свои сады.

Только ночь так упрямо
Подводит былому счёт.
Эта звёздная яма
Чью голову не качнёт?

Но качнёт не испугом,
А миром и тишиной.
(По глубокому лугу
Скатилась луна копной).
1922

11. Хорошее время

Высокое небо, Пустынный свет.
Гудит, пролетая, осенний ветер,
И горбятся стебли истоптанных жнив
И смотрит на юг обнажённый обрыв,
И тонкая даль глубока и строга,
Где тихо за ветром кочуют стога.

А там, за обрывом, в синий поток
Берёзка закинула жёлтый платок,

И белая машет кому-то рука,
И с жёлтыми листьями катит река,
Угрюмо-ленива, темна и густа.
А с берега падают вздохи куста.

Хорошее время! Хорошие дни!
Наверно, приходится сердцу сродни.
И с этой прохладой я в дружбе давно,
И с ветром качаться мне тоже дано.
Я сам в этот месяц мудрей и цветистей.
Ах, жёлтые листья, ах, красные листья!
1928

12. Туманный день

Кругом тишина бездорожья.
Весь мир за туманом исчез,
Лишь веет предзимнею дрожью
От низких помятых небес.

Клубятся и тянутся мысли,
Как этот волнистый туман.
Посмотришь на изволок, вниз ли –
Везде поджидает обман:

Холмы превращаются в горы,
Озёрами светит река.
Но странно – в такую-то пору
Дорога мила и легка.

Забыв об угрозах ненастья,
О мгливой погоде сырой,
Как будто шагаешь за счастьем,
Которое ждёт за горой.
1928

13. Перед восстанием

Был фабрикант, его снаряды ...
А за снаряды – чашей дом.
И был, как чучело, наряжен
Благословляющий перстом.

Ни смертный бред, ни ужас бойни,
Ни в клочья рваные тела
Не волновали их – спокойно
Творящих чёрные дела.

Страна нищала. Плач и скрежет

Неслись по сёлам, городам.
О, как всю муку передам! –
Смех юношей звенел всё реже,
Задумчивых не по летам.

Но вот за тёмной непогодой
Каймой оранжевой заря,
Февраль семнадцатого года
И низвержение царя.

Казалось, – рухнул без возврата
Мир крови, голода, свинца,
Увидит брат родного брата
И расцелует сын отца.

Но был солдат тогда наивен,
Но был рабочий одинок,
И снова грянул медный ливень,
И в горло врезался клинок.

Сражённый пулею не встанет ...
Рабам не лучше у станков.
И зрело новое восстанье
Заводов, деревень, штыков ...
1924

14. Назавтра бой

Ещё свисает мрак над миром остальным,
Ещё не свергнуты короны, банки, тресты,
И трубит рог кроваво-чёрной мести,
И клевета ползёт, как едкий дым.

Ещё свисает мрак над большей частью мира,
Послушной вождениям банкиров,
Но в недрах стран, чьи гербы – ложь и страх,
и золото – кричащее, больное, –

От фабрик, мастерских и гулких шахт
Встают они в нужде, в пыли и зное.
И высится пожаром возмущенье,
И слышен рёв: "Восстанем, братья! К мщенью!"

Истории шаги неторопливы.
Но этот рёв и это буйство сил,
И тот пожар – с победно-красной гривой
Рабочий класс нам дважды возносил,

И падал старый мир от нестерпимой муки,
И упадёт, заламывая руки в последний раз.
(Рабочий знает – близок этот час.)

Редееет мрак над миром остальным.
Дрожат испуганно короны, банки, тресты ...
Пусть трубит рог кроваво-чёрной мести
И клевета ползёт, как едкий дым.

Но близок день – висит над миром кара.
Назавтра бой и зарево пожаров.

15. Лучшее время стихов

Вьюжные крики. Полночь дымится
Снежную мутью. В окно
Глянут и скроются белые лица,
Глянут – и снова темно.

Полночь из Пушкина... Вьюгой разбужен,
Сказочный мир мне знаком.
Что же, смелей! Заходите на ужин!
Полно бродить под окном!

Вьюга ворожит. Полночь дымится,
Так же как было: в окно
Глянут и скроются белые лица,
Глянут – и снова темно.

Дружбы навязчивой я не поклонник:
Тих и уютен мой кров.
Вьюга и полночь (без посторонних) –
Лучшее время стихов.

16. Обоз

Жизнь людская разной кройки:
Тот – богат, а этот – бос.
Потому-то вместо тройки
Мне мерещится обоз.

Ночи, дымные метели,
И в метель, в пути таком
Вместо ласковой постели,
Дровни с мёрзлым хрептугом.

Дровни плачут, режут, месят
Жёсткий снег под храп гнедух ...
Хорошо, как светит месяц,

Хорошо, как не потух.

А потухнет, станет жутко.
Заблудился – не помочь.
И вся жизнь ненужной шуткой
Вдруг представится в ту ночь.

Дома, тёмная с испугу,
Мать осветит образа
И не раз на светлый угол
Вскинет грустные глаза.

Выйдет в сени. Степь гогочет.
Словно жернов крутит снег.
Где-то глухо вскрикнет кочет,
Ни пути, ни звёзд, ни вех.

Что-то станет и случится,
Каждый час, как сто недель,
и всю ночь в окно стучится
Зяблой странницей метель.

Лишь наутро просветлеет.
У окна лежит сугроб,
И глядит, и жутью веет,
Как огромный белый гроб.

... Так всегда. Одним попойки,
А другим, кто сердцем прост,
Тяжкий труд с больничной койкой
Да затерянный погост.

Но, влекомый новой долей,
Я за тех, кто шёл со мной
В бездорожном русском поле
За обозами зимой.
1925

17. Пыльная дорога

Закачалась ива,
Машет над рекой
Веткой сиротливой,
Гибкою рукой.

Машет и, похоже,
Плачет в стороне,
Что никак не может
Подбежать ко мне.

– Ты, ямщик, не строго.
Зря не торопи.
Пыльная дорога
Подождёт в степи.

Полюбуюсь ивой,
Придержи коней. –
Слез и торопливо
Подбегаю к ней.

И уж сердцем вольным
Слышу, как вдали
Стаей треугольной
Машут журавли.

Здравствуй, день зелёный
С шапкой голубой!
Словно пред иконой,
Еду пред тобой.
1926

18. **Голос журавлиный**

Зима куда-то скрылась,
Сбежал и ветер злой.
Как брагой, пахнет сырость
Оттаявшей землёй.

И вот я снова в поле.
Ступая на траву,
Как будто что-то вспомнил
И журавлей зову.

И мне не до забавы.
– В какие же края,
Любимые, куда вы,
Любимые, а я?

Но журавли высоко –
Им не слышать меня,
И еле слышный клёкот
Доносится, звеня.

Слежу и сердцем таю.
О светлой грусти час!
Что ж стая золотая
Так быстро пронеслась?

Иду к домам равниной,
Сочится с неба лень,
И голос журавлиный
Преследует весь день.

19. Журавли

Я не слышал роднее клича
С детских лет, когда вдали
По заре степной, курлыча,
Пролетали журавли.

Помню, верил: в криках стаи
Есть понятные слова.
И следил, пока густая
Их не скроет синева.

Ныне стаи реже, глуше,
Или жизнь пошла ровней,
Но по смерти готов я слушать
Эти песни журавлей.

Вот вчера, в час вешней лени,
Вдруг на небе, как штрихи,
И от них такое пенье ...
Будто вновь Сергей Есенин
Мне читал свои стихи.
1926

20. Счастливые бредни

Серым шёлком висят облака.
Я увидел и стал нелюдимом,
И весенняя кличет река
В перелески, заснувшие дымом.

Струи ветра поникли без сил,
Голубея на девичьих лицах.
Чуть заметное золото крыл
Отливает на длинных ресницах.

И уж чудом мне кажется день
Под навесом живым и воздушным.
Как рябая высокая тень,
Опускается дождь за Нескучным.

Чую, сердце пускается вплавь.

Золотые, счастливые бредни!
Словно я этот мир, эту явь
Увидал в первый раз и последний.
1932

21. Подпевая ветру

Красные качнулись прутья где-то,
И возник протяжный синий гул.
Это благодатный вестник лета,
Это южный ветер в окна дул.

Голос матери? А он ведь умер.
Голос юности? Не жду гонца.
Всё слилось и крепло в новом шуме,
В песне без начала и конца.

И забыл тогда я все обманы
И всё то, что раньше было жаль.
Проходили в вышине туманы,
Ветром подгоняемые в даль.

Длился гул, смиряя злое лихо.
Радость пела тоньше волокна...
Я стоял и ветру тихо-тихо
Подпевал, забывшись у окна.
1936

22. Час несказанного покоя

О, милый друг, оставь весло
И не прислушивайся к пеню!
Смотри, как небо проросло
Завечеревшей голубенью.

Смотри, уж выплыл сад планет,
Видал ли ты деревья гуще!
А этот жёлтый лунный свет,
Как с золотой горы бегущий!

Удел забот всегда тяжёл,
Но в жизни есть и не такое,
Хотя бы то, что вот пришёл
Час несказанного покоя.

Хотя бы то, что пред тобой.
Не ты ль несёшь в себе, как чашу,
И этот купол голубой,
И звёзд нетронутую чашу?

Оставь, оставь, мой друг, весло!
Пусть лодку тянет по теченью.
Ведь даже сердце проросло
Завечеревшей голубенью.

И пусть удел забот тяжёл,
Ты видишь, в жизни есть другое,
Хотя бы то, что вот пришёл
Час несказанного покоя.
1926

23. Встреча

Красногвардейцу М. А. Розенштейну

Ну продолжай, ну говори. —
Так я просил его, волнуясь,
И вспоминали до зари
Год восемнадцатый и юность.

Какая встреча! Где тут спать!
Ведь сердце билось не утратой.
Мы были юноши опять,
С мечтой железной и крылатой.

Как в переключке, шли года,
И оживала вновь примета,
Что будем молоды всегда. —
Храня в душе весну и лето.

Наш день и прошлое — одно.
Цветы приходят через завязь,
Как незаметно под окно
Заря июньская подкралась.

Простясь узлом горячих рук,
Я это в памяти отмечу,
Как уходил мой гость и друг,
Заре и радости навстречу.
1936

24. Последнее

Не унесу я радости земной
И золотых снопов зари вечерней.
Почувствовать оставшихся за мной
Мне не дано по-детски суеверно.

И ничего с собой я не возьму
В закатный час последнего прощанья,
Накинёт на глаза покой и тьму
Холодное, высокое молчанье.

Что до земли и дома моего,
Когда померкнет звёздный сад ночами,
О если бы полдневной синевой
Мне захлебнуться жадными очами.

И расплескаться в дымной синеве,
И разрыдаться ветром в час осенний,
Но только б стать родным земной листве, –
Как прежде, видеть солнечные звенья...
1937